

цев и силы рабовладельческого государства христианство (конечно, в лице своих иерархов, а не народных масс) превратилось в средство защиты рабовладельческого строя, в одну из форм воздействия на повышение производительности труда рабов.

Первый этап переходной стадии характеризуется, с одной стороны, революционной ситуацией, с другой, судорожными попытками реакционных сил сохранить свое господство. История этого этапа пестрит как разрозненными выступлениями народных масс, так и острой борьбой между различными эксплуататорскими группировками. Самый характер народных движений (религиозный, сепаратистский, антиналоговый, а иногда определенно реакционный люмпенпролетарский) не имел особого значения: важна была оппозиционная направленность. Выступления любого характера во время наличия революционной ситуации являлись опасными и вели к серьезному ослаблению рабовладельческого строя! Ни синие, ни зеленые¹³, ни поддерживающие их городские массы не выступали против рабовладельческого строя, но объективно их борьба перерастала в революционную.

Второй этап переходной стадии представлял собой время революционного краха рабовладельческих отношений, выразившегося прежде всего в сокрушении мощи опиравшегося на константинопольский сенат крупного землевладения рабовладельческого типа. В условиях непрерывных народных волнений и борьбы внутри эксплуататоров, при постоянных, почти ежегодных вторжениях славян случайный мятеж сражавшейся на северных границах армии привел к созданию правительства Фоки, которое, независимо от своих субъективных намерений, на некоторое время стало выполнять революционные функции — громить константинопольскую сенаторскую землевладельческую знать. Плебейские массы городов были настолько увлечены событиями, что разгром рабовладельческой знати осуществлялся и в городах провинции¹⁴.

Первая половина VII столетия признается почти всеми византинистами как перелом в политических и общественных отношениях Византии, хотя буржуазные историки и не связывают этого перелома с падением рабовладельческого строя¹⁵.

Вторжение славян и почти ежегодные набеги арабов сделали практически невозможным ведение латифундиального и вообще крупно-

¹³ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. ВС; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.

¹⁴ PG, t. 116, col. 1261 sq.

¹⁵ A. I. Toynbee. A Study of History, vol. IV. London, 1939, p. 320—408; N. Baynes and H.-St. Moss. Byzantium. Oxford, 1948, p. XVI—XIX. По признанию большинства буржуазных исследователей, с этих десятилетий в Византии начинаются „темные века“ („das dunkle Zeitalter“ — К. Крумбахер) или „Moyen Age“ de Byzance — Лемерль). Некоторые ученые особенно подчеркивают роль славянских вторжений: меняется этнический состав населения (Л. Фальмерайер. Ср. А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1898 г.), изменяется под славянским влиянием право (Цахариев, В. Г. Васильевский). В настоящее время Е. Кирстен (E. Kirsten). Die byzantinische Stadt. — Доклад на XI международном съезде византинистов в Мюнхене. München, 1958, S. 21) говорит даже о „революции Фоки“. В марксистской литературе эти события впервые связаны с падением рабовладельческого строя в Византии в трудах М. В. Левченко („К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв.“ „Проблемы истории докапиталистических обществ“, 1935, № 1—2), затем А. В. Мишулина („Древние славяне и судьбы Восточноримской империи“. ВДИ, 1939, № 1). Во многих последующих работах советских ученых, в том числе и в учебниках для высшей школы, этот перелом рассматривался как результат слияния внутренней революции с наступлением славян. Иной точки зрения придерживается Е. Э. Липшиц, не видя в VII в. существенного перелома в общественных отношениях („О путях формирования феодальной собственности в балканских и малоазиатских провинциях Византии“. ВВ, XIII, 1958; „Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии“. ВДИ, 1955, № 4).